

Евгений Филимонов
Предсказание

Евгений Филимонов

Предсказание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12003260

ISBN 978-5-4474-2648-4

Аннотация

«Предсказание» – авторский сборник рассказов. В данной книге представлены совершенно разные жанры малой прозы, от легкого этюда до жесткого триллера, спрятанного в сладкой обертке.

Но в целом это жизнеутверждающий сборник.

Содержание

Алый	5
Встреча с Драконом	10
Black&White	26
Доминаторы	36
Полная чаша	48
Флюгер	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Предсказание

Евгений Филимонов

© Евгений Филимонов, 2015

© Евгений Филимонов, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

АЛЫЙ

Краски из этого мира ушли давно. Настолько давно, что само понятие красочности практически исчезло из языка и умов жителей этого мира. Остались лишь смутные легенды о временах, когда небо было не таким. Просто не таким и всё. А каким оно было – они не знали. Просто забыли слова о цветах.

Мир был серый. Все оттенки серого наполняли его и были сутью его. Серой сутью серого мира. Свинцовые небеса над бескрайними полями цвета праха. А может, это и был прах старого мира, каким-то чудом удержавшийся в этой реальности после неведомой катастрофы бытия? Никто не знал, история не сохранила этого. Да и история была серой, ибо, что может быть интересного в бесцветном мире. Ничего. Серость обволакивала всё – умы, небеса, глаза, души. Всё.

А еще были Алые. Они не были серыми, и это было великое их отличие от всего сущего под этими небесами. Ибо имя свое они получили за то, что были одеты в одежды, которые были не как у всех. О, нет – они были такими, такими... Иными. Алые одежды – так называли свое одеяние Алые.

Самих Алых никто не видел в лицо, оно было вечно скрыто в глубинах клобука, надежно надетого на их головы. А полы их одеяний свешивались далеко позади них, метя пол. И кто-то мог бы сказать, что это были рясы, да никто уж

и не помнил это слово. Как и то, что Алый – это цвет. Один из мириадов оттенков сущего, которыми одарены многие колыбели жизни в бескрайнем пространстве многомерного континуума. Многие, но не этот.

Когда появились Алые – никто и не помнил, даже история не сохранила этого. А ведь должна была, слишком невероятны они были в этом мире текучих теней. А, может, они были тут с момента сотворения, кто бы знал. Кто бы знал. Это была загадка, которую никто не хотел разгадывать. Не хотели, потому, что просто сторонились и боялись их. Боялись иного, веявшего от этих сгорбленных фигур в невероятно-го цвета одеждах. Одеждах, которые, казалось, высасывают всё из тебя, стоило оказаться рядом с их обладателем. Ведь стоило приблизиться к ним, и даже серое становилось не серым, а просто мертвым. Мир становился призраком, мороком, в котором жизнь напоминала о себе лишь бешеным стуком сердца в груди.

Алейя была странным ребенком. Странность её проявилась сразу, как только она появилась в этом мире, громко взывая к тяжелым небесам всей силой своих маленьких легких. Слишком странен был ее живой взгляд для новорожденной. Взгляд, полный жизни, хоть и серый, как у всех остальных, но какой—то... Какой-то блеск, на грани ощущений, присутствовал в ее глазах, и те, кто встречал ее в этом мире, на миг замерли, погрузившись в этот взор. Взор только что рожденного беспомощного существа, полного желания

жить. Жить! И дали ей имя, замирая от собственной смелости – Алейя. Не Алая, но и не просто ребенок. Дитя, чей взгляд на мир был иным.

Взгляд ее, может и был иным, но ребенком она росла таким же, как и все. Озорным в меру, любопытным, по-детски мудрым, да и каким еще может быть ребенок. Но, бывало, она замирала в какой-то отрешенности и взгляд ее, казалось бы, пронизывал окружающее, словно искал его тайную суть. Суть, которая пряталась за этим покровом теней, окутавшим этот мир некогда. А еще она рисовала. Да.

Она рисовала! Это было что-то утерянное, что-то забытое в этом богами забытом мире, и, когда она брала кисточку в руки и ваяла, вся округа собиралась вокруг нее и молча наблюдала за тем, как из-под кисти появляются до боли знакомые картины окружающего мира. Знакомые – да, но иные. Алейя меняла оттенки и тогда знакомые вещи и места превращались во что-то неведомое, будто бы что-то меняло их, вытягивая скрытую сущность наружу. Но, странного ребенка не удовлетворяли ее картины. Дорисовывая, она часто плакала от бессилия и чувства чего-то несбывшегося. Чего-то скрытого от нее, что она, как это часто присуще всем детям, хотела всей своей душой. Здесь и сейчас. Но этого не случилось.

И она рисовала, рисовала, рисовала. Серые стены городка, в котором она жила, вскоре стали не стенами, но продолжением этого мира. Зеркалами, в которых отражался другой

мир. Серый, но не такой – более яркий, более светлый, более живой. Другой. Как Алые. А те часто приходили к этим стенам и вглядывались в них, словно тоже искали что-то. Что они там искали, никто не знал, но было видно, что и они не находили там чего-то важного для них. Иногда они подходили к Алейе и молча отбирали у нее кисть, разглядывая краску на мягком перьевом конце. И тогда ее охватывала дрожь, страх пронизывал ее существо. Страх, что кисть – часть её души сейчас заберут и она больше никогда, никогда! не сможет создавать миры на стенах.

Как это случилось – никто не знал. Не бывало такого в этом мире, полном праха. Серый пепел устилал землю мягкой пеленой, серый прах окутывал стены, давным-давно съев все углы и выступы. В этом мире просто невозможно было пораниться. Не-воз-мо-жно. Но, это все же случилось. Может злой рок, а может гримаса фортуны. И Алейя разглядывала свою руку, по которой, медленно набухая, скатывалась капля чего-то иного, не серого. Алого. Алого!!! И в ней что-то взорвалось. Крепко сжимая кисть, она устремилась к своим стенам, прячась по пути от сторбленных фигур в рясах. Фигур, которые всё чаще появлялись возле её зеркал мира, как она их называла. Что-то подсказывало ей, что их надо избегать в этот миг. Миг катарсиса. Миг видения.

Её нашли лишь на другой день. У стены, с измочаленной кистью в маленькой руке. По другой руке все еще сбегали

капли ее Алого. Стекали из раны, которой она старательно не давала закрыться тупым концом кисти. А на стенах цвели алые цветы. Цвели под алеющим в розовом небе солнцем, и лучи его, казалось, вырывались наружу прямо в этот мир. И там, куда падали лучи, мир становился другой. Толпа, молча и недоуменно смотрела на алый цветок, распустившийся напротив стены, не понимая того, что видит. Алый пришел в этот мир, но они не видели. Еще не видели. Но свет нарисованного чистой кровью Солнца добирался и до их глаз. И в них что-то проснулось. Что-то. Что-то. Не серое. Иное. Настоящее.

Алых больше никто не видел. Нашлись лишь их плащи в опустевших жилищах. Не Алые, а уже серые, плащи, истекающие тенями. Но тени эти, выползая из их проклятых домов – сгорали. Сгорали под яркими лучами Солнца. Уже не нарисованного, нет. Настоящее Солнце пришло в их мир после долгой ночи и принесло с собой все цвета.

И лишь одна не смогла увидеть его. Та, которая призвала его, отдав всю себя этому миру.

Встреча с Драконом

– Какого черта?

Возглас сей вырвался из пересохшей от долгого путешествия глотки путника, едва не сваливающегося со своего ослика. Ослик, надо сказать, выглядел ненамного лучше седока, и явно собирался издохнуть под ближайшим кустом. Но, слава Спящему, кустов рядом не было. В этой гористой местности найти хоть какую-то растительность было даром, который не каждому везло обрести. Не повезло и нашему путнику.

Вид он имел престранный. Если описывать вкратце, то выглядел он так: чудаковатый ученый в стадии подкрадывающегося маразма. Причем, выделить тут акценты было бы невероятно трудно, настолько чудаковатость сквозила в этом немолодом уже типе в старых круглых очечках на шишковатом носу. Нос, впрочем, был весьма примечателен. Форма его была невероятна. Просто невероятна. Сказать по иному было бы преступлением. Нос этот нарушал все законы гравитации, ибо был огромен, как клюв сказочной птицы Птух. Голову путника венчала огромная, похожая на разоренное воронье гнездо, копна седеющих волос. Тело облачала профессорская униформа, которая несла на себе следы тяжких испытаний, выпавших на долю ее обладателя.

Причиной возгласа было недоумение путника, разгляды-

вающего ближайший горный разлог сквозь прищуренные веки. Светило в это время года стояло невысоко, но все равно могло доставить неприятности при взгляде в его сторону.

Что он там разглядывал, путник и сам толком не знал. Вообще, поездка получилась спонтанная и дурацкая. Как и вся жизнь в последнее время. Брошенные сгоряча на кафедре слова привели его сюда, а куда вели дальше – не знал и Спящий. Плюнув на серую пыль, он пихнул ослика в тощий бок, желая двигаться дальше, но не тут-то было. Дурное животное не желало трогаться с места. Не желало и все. Тупая скотина. Хотя, взглянув в сторону, куда ленивая тварь не желала идти, он быстро изменил свое мнение.

Путь им преграждал, невесть откуда взявшийся, непонятный объект, не иначе как продукт воспаленного сознания, переполненного горькими воспоминаниями о распрях на кафедре, приведших сюда. Его боль и мечта, основа и смысл его ученой деятельности. И вот – его мечта перед ним. Но этого не могло быть, ни здесь, ни где-либо еще. Не могло. Потому что он сам давно уже доказал всему ученому, да и не только, миру всю нелепость имевшихся рассказов о Них, смело отнеся к разряду мифов и детских пугалок. А еще он мечтал, совершенно втайне, о том, что все-таки был неправ в своей работе. И, кажется, домечтался. До галлюцинаций, не иначе.

Опалово мерцающий дракон лениво разглядывал неведо-

мое для себя существо. Совершенно неизвестная зверюшка предстала перед взором, стоило только выпасть из прорехи континуума в эту стазис-реальность. Зверюшка сия имела четыре конечности снизу, две сверху, плюс к этому, что-то болталось посередке. А вот сверху явно было что-то явно непередаваемое, нечто изумительно свежее для него. Такой несуразной конструкции не встречалось ему пока ни в одном из миров. И это требовало изучения. Выдохнув несильно, он неспешно отправился к этому чуду.

«Оно идет ко мне!» – панически билась в голове одна лишь мысль. Казалось, весь мир теперь состоял из медленно приближающегося к ним зверя, чье огненное дыхание напугало осла до дрожи. Хотя нет, не до дрожи – животина просто рухнула замертво, огласив предгорья песней безумия, от которой у него свело зубы, а в глазах зарябило. «Ну и что мне теперь прикажете делать?» – задал он себе риторический вопрос, а затем успокоился, плюнув на все. Ведь к нему приближался всего лишь какой-то морок. Ну не могло его быть на самом деле – не могло, и все. Он ведь это доказал. Давно.

«Вот тварь, ревет-то как, чуть глаз не вылез», – думал дракон, едва не впавший в кататонию от неожиданно сильного рева. Совершенно немзыкального, отметил он, всё так же приближаясь к исследуемому объекту. «Нет, вы погляньте на это недоразумение, оно еще и на части развали-

вається, прямо на очах», – опешил он, увидев, как нижняя часть зверюшки отвалилась от верхней, взбрыкнув четырьмя длинными нижними лапами. А верхняя вдруг оказалась на других двух ходулях, и теперь стояла, ожидая его. «Хм, может он к атаке готовится? Вот чудик», – усмехнулся он, но на всякий случай подал сигнал дружеского расположения, понятный всем разумным тварям универсума.

«Черт! Всё, приплыли», – профессор чуть не наложил в штаны, увидев столб огня, возносимый к небесам и развертывающийся в вышине в невероятно красивый пламенный цветок, играющий всеми оттенками алого. И наложил бы, да только, не жрамши третий день, сделать сие было не так уж и просто. Это было из области сказок, в которые он некогда поместил это вот чудище, приближающееся к нему на четырех лапах. Кстати, почему это на четырех, такого не может быть, не может!

Его поглотила дрожь ученого. Та, что в молодости делала его безумцем, способным неделями корпеть над старинными фолиантами, выковыривая оттуда крупички знания. Знания о нем. Или, о ней? Страх куда-то ушел, на его место уверенной поступью выходил бесстрастный интерес познавательного начала.

И они встретились. Нос к носу. Беспечный дракон. Чудак-профессор. Вселенная дрогнула. Слишком они были

разные, но и слишком похожие. Дети.

– И кто это у нас тут? – как будто гром пророкотал сверху, распугав вокруг всё воронье, которое косым и затуманенным взором разглядывало впавшего в кому осла.

– Мммм... мм... кххы... кхы, – профессор все еще не совсем пришел в себя, и безуспешно пытался прочистить горло, стараясь при этом выглядеть горделиво и безупречно, как и подобает великому ученому в час его славы.

– Безречный... – грустно прозвучало сверху. – Да уж, откуда у такой несуразицы взяться речи, вот ведь придумал себе. Эй ты, нелепица, – дракон легонько ткнул нашего профессора своим коготочком, желая обратить на себя его внимание.

Когда кривой ятаган когтя мазнул его по боку, профессора чуть не размазало. Но, зато, и помогло прийти в себя. Мало того, он просто рассвирепел. Эта химера от науки позволяет себе обращаться с ним, профессором третьей степени второго круга адептов Знания, Мэдом Брайаном, как с какой-то овечкой! И, будто этого мало, эта ящерица с огнеметом в пасти разговаривает, как законченный сноб, которых он и на кафедре-то терпеть не мог, причем, нисколько этого не скрывая ни от кого. И он взорвался.

Дракон просто опешил, когда это недоразумение, словно бешеная блоха, коих так много в меж-пространстве, прыгну-

ло прямо на него. И, прыгнув, выдало невероятную тираду, проявив недюжинные способности в экстатическом поэтизме.

– Да вы что себе позволяете, сноб паршивый, ошибка природы, порождение химеры, дура с ногами... меня когтями драть? Меня, профессора второй степени (профессор в запале повысил себя, но это прощительно в его состоянии), третьего круга (и понизил, что тоже объяснимо)!!! Да я тебя сейчас тут систематизирую и каталогизирую, дрянь такая! Меня, когтями?! Да меня криклы за милю обходят, знаешь ли ты! Нет, вы погляньте на это, я не могу, где вас только таких делают, оборотов, понаехали тута...

От этой непрекращающейся тирады, перемежаемой бешеными прыжками вокруг его персоны, дракона одолела робость. Букашка явно требовала к себе уважения. А заявление о каких-то неведомых криклах, хоть и звучало смешно, тоже требовало внимания, мало ли.

– Эм-м-м... кхм... простите, – пророкотал дракон, принимая вид заинтересованный и несколько придурковатый. Это всегда помогало в сложных ситуациях, разряжая обстановку и помогая сгладить образовавшиеся углы в общении.

– Простите, – промурлыкал он. – Промашечка вышла, разумное существо не распознал. Увы мне и ах. Простите, а?

От такой резкой смены темы профессор очоленел, эта улыбающаяся штука перед ним явно что-то затевала, хотя... Хотя, улыбка настраивала на добрый лад, и тело само со-

бой расслаблялось в стремлении принять удобную позу, позу долгой беседы.

– Ээээм... мны... а-а-а, тьфу ты... – чертыхнулся он. – Простите, что?

– Я говорю вам, давайте уж забудем сие недоразумение, мой друг разумный, неожиданной с которым встречи не ждал я нисколько, в прореху впадая пространства... – дракона понесло. – И видя тебя, не знал совершенно, что разума встретил вместилище я. Прости же меня, и будем знакомы? Зовут меня Дрейяго, я драконьего рода. А кто есть ты?

– Мммэээд... кхм, кха... Мэд Брайян я! – профессора, похоже, заразила велеречивость изъяснений нового знакомого, но таланту не хватало. – Профессор я, адепт наук и знания мастак. Направлен в горы, для науки. Искать науке факты послан я. Тебя найти мне повелели. Вернее, не тебя, а факты пребывания, твои в горах сих, на заре веков. Уфффф... – профессор подумал, подумал и поклонился. Так, просто, на всякий случай.

«Эк его проняло-то», – хихикнул про себя Дрейяго, раскланиваясь в ответ, но и впадая при том в некоторое недоразумение.

– Вот и хорошо, – пророкотал он уже вслух. – Но, скажите мне, каким образом вы направлены меня искать, коль я тут в первый раз?

– Понимаете, – совершенно смутился профессор. – Тут такая история... Мгм.

– Я весь внимание, – подыграл ему дракон.

– В общем, слушайте... Слушайте печальную и грустную историю моего величия и падения. В глубоком детстве был я восхищен преданьями о вас, крылатых огненных созданиях. И клятву дал, что докажу, мол, сказки те – не просто лишь сказания, но факты, сохраненные в умах... Слишком давно были те времена, когда ваше племя оседлало наши небеса, и, память о Вас верно угасла, сохранив лишь тень истины. Вы стали сказками в народе.

– Но нас не было тут! – Дрейяго клацнул зубами, тряся головой от недоумения. – Не слышал я о таком мире.

– Не перебивайте, я вас умоляю. Так вот, клятве верно следуя своей, я обучение прошел, в адепты Знания пробившись. И стало выпускной работой моей доказательство вашего существования. Собрав предания с глубин и центральных округов, сумел я доказать, что вы на самом деле были. Но все куда-то подевались, да... Урок истории суров, и нет вас больше в мироздании. Вот.

– Но что же грустного? – дракон откровенно веселился, не разделяя грусти рассказчика.

– А вот, в дальнейшем было все... Моя работа. Диплом свой защитив, всё общество разбил я на союзы. Одни кричали, что вас не было совсем, другие – что живы вы, но все ж таитесь от наших жадных загребущих личностей. И чуть не вспыхнула война. Нет, вы представьте, из-за сказки, что были бы могли давно, все общество страны моей готово

было разос... уххмм... в общем – ссора в нем царила. Да что страна, планета вся, моей работой проникшись, в два лагерь враждебных разделилась. Драконы – есть, драконов – нет. Война стучала в двери всем.

– И что, случилось дальше, что? – Дрейяго настолько поглотил рассказ, что он даже начал приплясывать.

– Я принял тяжкое решение. Да и прошло уже немало лет с момента сана получения. Раскол все рос. Ждало все страны разрушение. И я, поправ свои мечты, сумел разбить свои же построения. Всем доказал – что был неправ, что младость мне сознание смутила. Драконов нет, сказанья – сказки лишь, полетов птичьих порождение. Мол, птицы некогда летали высоко, и всем казались огненным творением. Но было поздно, лишь анафеме был предан вчерашними адептами учения своего. Не стало больше правых никого. И даже культы появились, что дев молодых, не знающих мужчин, в костры отправили для вызова крылатых. Иные даже видели таких, в огне, мол, вились стаями большими. И жрали женщин молодых, давая единицам попущенье. Те выходили из костра, свежи, румяны и изящны, с глазами полными огня; суровы, страстны и... ужасны. Ужасны тем, что жизнь ушла, совсем покинула их тело. Осталась кость, души уж нет. И жатва началась, война – их дело.

– Постой, постой... – дракон потерялся в рассказе. – Война у вас? А, ты, куда свои направил стопы?

– Поправ себя, стал я посмешищем на кафедре своей.

Весь круг меня открыто презирал. И, хоть и пытался мир я воцарить, никто сей факт не принял во внимание. Все поняли одно – я сам себя убил. В науке нет такого прецедента, а я создал, и мне в том нет прощения. С научной точки зрения. Недавно дал промашку я. Не выдержал коллег я порицание – в сердцах сказал, что я могу найти любые доказательства для мира. Для мира в мире, только б он пришел. И, смехом провожаемый, был выдворен я с кафедры. До обретения обещанных чудес. И вот – я здесь.

– И что? Задача какова?

– Проста задача – лишь найти дракона.

– Ну вот, нашел, пошли к твоим коллегам, им расскажу я о себе. И мир наступит в вашем мире.

Профессор кинул задумчивый взгляд на нетерпеливо приплясывающего дракона. Ему, конечно же, невероятно польстило его внимание, и он был безумно рад поступившему предложению, но боялся, что новоявленный знакомец не все понимает. Не понимает, что в этом дурацком мире предмет спора просто раздерут в ключья противоборствующие стороны, сквозь кордоны которых профессор, облаченный в старые заслуги, прошел почти не пострадав. Пострадала только его гордость, которую пришлось запихать куда поглубже, проходя через оплоты бывших приверженцев и новоявленных адептов. В этом мире не было места явившемуся чуду, это он понимал всей своей душой, всем своим глубоко запрятым детским сердцем.

– Спасибо, Дрейяго, – с глубочайшим и искренним уважением поклонился он дракону. – Но, понимаешь ли, на что согласие даешь? Препон полно, везде готовы разодрать тебя на сувениры. Мы просто не дойдем.

– Хха... – гулко рассмеялся дракон. – Пройдем, как русские в Боснию!

– Э? – Профессор абсолютно не понял смысла сказанного, но уловил посыл. – В смысле?

– Да так, фьюить и там, пройдемся, поспешая не спеша... Мамаша так моя изволила шутить, что разумела этими словами – сплошная тайна для меня. Но их любила говорить. А так, уж если ты боишься, то мне не страшно ничего, поверь – я идеален, просто совершенен.

– Это как так? – опешил Мэд.

И тут Дракон выдал. Вроде бы ничего и не изменилось. Но внезапно воздух вокруг него начал наливаться незримой мощью, а земля начала проседать под невероятной тяжестью, вдруг обрушившейся на ее плечи. Даже лучи солнца, казалось, загибались вокруг крылатой фигуры и пытались ввинтиться куда-то внутрь. Глаза Дрейяго полыхнули невероятным переливом, в котором взгляд профессора мгновенно потерял чувство реального, ибо такого он никогда не видел. Нет, это была бездна, провал пространства, дверь в межреальность открылась перед ним, и он потерял дар речи, благоговей перед этим невероятным подарком.

Мэд все же оставался ученым, и сейчас в него вливались

мириады новых ощущений, за любое из которых каждый из его круга, да нет – любой из адептов Знания отдал бы все. Это было так, так... К сожалению, слов на это не хватало, но был он сам, а слова придумаются – лишь бы успеть донести знание до бумаги.

А потом Дрейяго начал мерцать. Шкура его становилась то деревянной, то с воронным отливом черненной стали. То стыло отливала стеклом, то влажно поблескивала приятной глазу желтизной. И, вдруг – у профессора буквально сперло в зобу – дракон разом засиял тысячами мелких отсветов на бесчисленных гранях, появившихся на его теле.

– Это, это же?! – не отойдя от изумления, только и смог вымолвить он.

– Ась? – рыкнул дракон. – Дурацкая шкура эта, слышно в ней не ахти, так что ты там погромче мне, не бухти. Красиво? Ой, ты чего это? – обратил он внимание на отвисшую до земли челюсть профессора и его замороженный взгляд.

– Опа, – воскликнул дракон. – Ха-ха... Ты – Человек! Теперь я понял, мне маменька говаривала о таких, у вас неадекват на этот химический элемент, и предостерегала от появления в таком вот виде среди вас. Нет, нам то вреда не получится при всем желании, а вот некоторых учить приходится, по ее словам, порой даже ая-яй причинять, а то кидаются, щекоткой донимают... А не хочется, аяяй-то. Добрые мы. – Усмехнулся Дрейяго, всем своим видом изображая скромнягу.

Надо сказать, что образ смиренной скромности алмазному изваянию, с горящими провалами вместо глаз, не шел. Даже не ехал. В общем – никак не соответствовал. Профессор понял, что медленно и неуклонно сходит с ума. Нет, это явно было нереально, такого не может быть, потому что не может быть, вот. Не верите? Спросите у него, он вам скажет. Вернее, докажет. Вернее...

Профессора привел в чувство щелчок по лбу, которым его наградил пылающий рядом мираж. «Миражи по лбу не бьют», – облегченно вздохнул он.

– А как это у вас... у тебя... ну, в общем, как это получается?

– Что? Эта вот трансфигурация? Да это ж просто, как два пальца... Трансмутуешь постепенно, переводишь силовой каркас полей в текучее состояние и вперед, – невинно хлопая глазами, пояснил дракон. – Потом сдвигаешь пару мезонов, трансклотируешь меоны в аоны, пертурбуешь мезоплазму... и все, в принципе, делов-то. – Дрейяго еще поси-ял чуть-чуть, и резко, без всяких переходов, обрел первоначальный вид.

От такой профанации профессор совершенно обезумел. Он, старый ученый, стоял перед величайшим открытием этого мира, этой эпохи, этой реальности, в конце концов, и ничего не понимал из сказанного. «Нет, ну как так может быть», – разум просто вопил от такого безобразия.

– Я так понимаю, что вам вообще ничего не страшно? –

с некоторой агрессией начал он наседать на дракона

– Ну... – смутился тот. – Почему же, маменьку вот боюсь... Ужасно правильная у меня маменька, а уж как порядок любит и не пересказать.

У профессора мелькнула смутная мысль – слишком уж часто у его нового знакомого мелькала маменька в разговоре.

– Аа-а-а... А тебе сколько лет-то? – наконец решился задать он этот вопрос

– Мне? Ну, немножко совсем... – на смущение дракона было любо-дорого посмотреть, теперь он не выпендривался, и точно был не в себе.

– Так сколько? – наседали профессор.

– Сколько, сколько... А вот вам сколько? А?? – рявкнул раздраженно Дрейяго.

– Мне – 67... вот. 67 лет и зим, под этим вот солнцем, – отрезал ему Мэд в ответ. – А вот сколько вам, я так и не услышал, милейший. Не красиво от ответа уходить, знаете ли.

– Теперь я понял. Если оперировать вашими годами, то мне ооооочень много лет, – хитро улыбнулся дракон. – Просто невероятно много, я даже не могу себе представить, как это сказать на вашем языке, – засмеялся он. – Когда я пролетал в прошлый раз мимо вашего домена, то звезды тут были на несколько тысяч градусов погорячей.

– Ага, – пробормотал профессор в ответ. – А трава зеленой. Понятно. Перманентный юнец, исследующий вечность. Ты хоть повзрослеешь? Когда-нибудь у вас это происхо-

дит? – до него уже дошло, что перед ним сидит юный птенец.

– Да, конечно же, даже звезда не успеет погаснуть, – весело ответил «птенчик». – Правда, притомится она к тому времени сильно, да.

Профессор понял, что задает дурацкие вопросы про несущественное и совершенно ненужное сейчас бытие драконов. Мир ждал его возвращения и у него был в руках не просто шанс. У него был абсолютный, не бьющийся ничем, козырь. И он решился.

– Ну, что ж, пойдём. Докажем этому миру, что я был неправ в своей правоте о своей неправоте, – неуклюже попытался пошутить он, стараясь скинуть напряжение своих нервов. Это был миг истины. Ключевой для этого мира, этой точки бытия.

– Да пойдём, конечно же. – Дрейяго весело подпрыгивал от нетерпения. Ему было необычайно интересно в этот момент существования, в этой клеточке вселенского здания. Он даже забыл на миг, что маменька его явно потеряет.

И отправился в поход, спасти этот мир.

Так они и отправились в дорогу, забавно прихрамывающий профессор, так и не сумевший извлечь из комы свою животину, и юный дракон, неспешной и стелящейся походью сопровождающий его.

Когда они истаяли вдаль и пыль осела, осел открыл глаза и сел. Чем очень расстроил уже испускавших слюни вожделения ворон, подбирающихся к нему с легко читающи-

мися намерениями. Огляделся по сторонам, и поспешно потрусил в сторону быстро удаляющихся вдалеке фигур. «Если уж спасти мир, то втроем!» – гордо думал Осел.

Спящий улыбнулся. Сон ему нравился, и поводов просыпаться не было. Мир был в безопасности. И – сон только начинался.

Black&White

Start Game

Море кипело от переполняющих его чрево тварей, плотной массой спешащих к берегу на призыв Демона, распахнувшего двери Бестиария. Высший призвал по древнему обряду, и они пришли. Пришли, чтобы принять участие в предсказанной в далекие времена битве Света и Тьмы, не первой, и, быть может, не последней.

Возвышающаяся у линии прибоя исполинская фигура демона торжествующе вскинула руки и проревела: «В бой!», и битва продолжилась с новыми силами. Хохочущие и улюлюкающие твари, от вида которых у обычного человека сводило внутренности и хотелось закопаться в землю, накинудись на врага, облепив его, словно мелкий гнус. Слишком неравны были они, и Демон раздосадовано хмыкнул. Бело-снежный колосс, его противник, рассмеялся гулко и хлопнул в ладоши, и тотчас вспыхнул свет, смывший это недоразумение с божественного тела, а потом, продолжая смеяться, направил персты в направлении врага, и с них сорвались пучки шипящих белых молний. Когда гроздь божественного гнева вошли в грудь и покачнули его, демон заревел недоуменно и вскинул руки, уже не торжествуя, а вопрошающе, словно не мог поверить, что сила противника настолько превосходит его собственные, одним мановением низводя все

усилия в ничто. Полученные раны причинили слегка ощутимую боль, но по телу тут же прокатилась волна огня, живительного начала демонических существ. «Огонь – мой дом, не трать силы зря», – захохотал демон и вскинул руку в известном всем вселенным жесте, а потом, сложно переплетя пальцы обеих рук в сложнейшем аркане, ударил по земле. И она тяжко всколыхнулась.

В городке, расположенном на берегу живописной бухты и населенном обычными людьми, царил паника. Ничто до сегодняшнего дня не предвещало беды, ни один проповедник, которыми так полнилась эта земля, не возвещал о грядущем конце света именно в этот день. В другие – да, но не в этот. И теперь колокола на башнях и местной церкви били набат и люди возносили свои молитвы Светоносному, ведущему сейчас свой бой на берегу. Когда земля начала трескаться, они лишь склонили ниже свои головы, да стали громче голоса, поющие Ему славу. Это были уже не люди, а единый организм, живущий сейчас одной мыслью, мыслью о спасении. А потом на поверхность стали выходить твари Бездны, воюющие от льющегося на них света, который был порядком подзабыт за века, проведенные на дне мира, тот самый свет, что всегда приносил им жуткую боль. Но призыв был сделан по всем правилам, и они пришли, а затем стала понятна и цель вызова. Древние разумы заполонило торжество и ликование – их вызвали на битву с извечным

врагом, творцом ненавистного сияния в небесах. В отличие от морских тварей, они были куда мудрее, и в их действиях наблюдалось выверенное за долгое одиночество стремление одолеть врага, не массой, а силой своих когтей и зубов, да и магия у них имела, изначальная. Та самая, которой Светносный не смог лишить их в миг своего здесь воцарения, а лишь запер в Бездне вместе с обладателями.

Надвигаясь небольшими разрозненными группами, выходцы из-под земли породили земляной шторм на берегу, и колосс с огненными крыльями потерял на миг свое равновесие и, чтобы не упасть, оторвался невысоко от песка, неспешно хлопая крыльями, развернувшись за спиной во всей своей красе. Твари негодуя взревели, но тут же стали все разом на дыбы и тяжким ударом опустили вниз. От удара земля всколыхнулась огромной волной пыли и грязи, полетевшей в направлении светлого, а между частицами этой волны заплясали цепи искрящихся токов земли, от взгляда на которые порождалось нездоровое предчувствие. Демон тоже не терял времени даром и сплел в этот момент пламенный дождь, обрушившийся на крылья противника, но огненные струи не оставляли даже и следа на белоснежных перьях.

Светлому, однако, это очень не понравилось, да и приближающаяся стена заклятой грязи беспокоила его не на шут-

ку. Слишком уж хитры были заклинания тварей Бездны, он отчетливо помнил последнюю битву с ними и все тогдашние ошибки. В божественной голове метались варианты противодействия, но они были слишком легковесными против клубящейся мглы, прошитой тонкими стежками молний. Здесь нужна была очень тонкая работа для нейтрализации, требующая огромное количество силы и хоть какой-то запас времени. Что ж, ему не впервой. И в этот момент с неба раздался тонкий звон, и диск светила начал темнеть. «Тебе не дано», – вскричал он, глядя на демона, чья пасть разъялась в торжествующем реве. «Я готовился, Светлый! Я готовился», – донесся ответ, и тут на Светоносного обрушилось магическое порождение тварей Бездны. Крылатую фигуру обьяли многочисленные молнии, которые стремились друг к другу и превращались в крепкие заклятые цепи, тяжким грузом влекущие назад, к земле. Пыль и грязь лезли в глаза и рот, прилипали к перьям и тоже тащили его вниз, заставив в конце концов вернуться на землю, благо, что шторм земли уже иссяк. А далекий источник его силовой подпитки все тускнел и тускнел, и вот, на мир опустилась тьма. Падение светлого было как никогда близко.

Светоносный был светоносцем в буквальном смысле слова, и теперь на берегу в колыхающемся мареве стояли друг перед другом гигантские фигуры, от одной из которых лился свет, а другая была облачена в плащ адского пламени.

В городской церквушке еще громче взвыли люди, вошедшие в экстаз и совершенно оторвавшиеся от этой реальности, их молитвы уже перестали быть словами, а стали силой, но она оставалась среди них, удерживаемая давно умершими бревнами намоленных стен. И тогда пришло решение, само собой возникнув в услужливой памяти. Преодолевая сопротивление волшебных цепей, опутавших тело, светлый раскинул руки в классическом кресте, а неопутанные крылья раскинулись за спиной. А потом по миру прокатился гром изреченного Слова. Строения городка, башни и церковь разрушились в мгновение ока и сила вышла из людей, выжигая с лица мира, не оставляя и следа их здесь пребывания. Это была грандиозная сила, сила человеческой веры, хотя, они желали лишь одного – выжить. И мир залил свет, яркий, белый, всеочищающий... и не осталось никого.

Game over

– Ну, ты и зараза, – хохоча, вывалился из кабинки Виртгейма Володька. – Не, ну ты дал. Размазал всё и вся, а я уже победу смаковал, ведь дождал уже, дождал совсем. Где ты эту гадость выкопал, ее же вроде нет в ангельском молитвеннике? Мы же читали доки с тобой, там такого нет. Не по-божески как-то воюешь.

– А я просто победить хотел, вот и все. Чувствую – триндец, и перебираю все, что есть, а потом рядом ощутил такую силу, что стоило лишь протянуть руку и взять. А то, что

не по-божески, так это ведь только игра. До сих пор торчу, – из второго отсека кабинки вышел друг Володьки, Николай. – Торчу, и не понимаю, как это получилось. Может, мы что-то пропустили, давай пересмотрим, а? В будущем пригодится, я этих козлов из Б-класса, буду уделявать, как нефиг делать.

Вызвав на голопанели описание игры, они принялись тщательно изучать все разделы, повторяя даже знакомые места:

«Вашему вниманию предоставляется новейшая игра, являющая собой невероятный прорыв в игровой индустрии, предоставляющая игрокам полное погружение в игровое пространство.

Игроки, при помощи сенсо-сканеров и аппаратуры создания виртуального мира, становятся персонажами игры, цель которой определяется ими самими, а спектр предлагаемых сценариев невероятно широк. Входя в игру игрок уже снабжен полными знаниями о мире и набором боевых заклинаний.

Эффект погружения в мир игры – абсолютный.

Набор заклинаний весьма разнообразен:...

И под набором заклинаний они увидели очень мелкий, практически неразборчивый текст:

«... Кроме того, программа периодически индуцирует создание новых комплексов заклинаний, которые не являются базовыми и сохраняются в постоянной памяти, не предоставляясь впоследствии другим игрокам. Параметры заклинаний...

наний выбираются на основании показаний сенсо-датчиков и сканеров эмоционального состояния игрока...»

– Вот оно, закопано в мелкий шрифт, почему-то, – торжественно воскликнул Николай. – Видал, я новое заклинание вызвал, не то, что ты: звери да твари, одно и то же. Хотя, да, чуть не задавил своими тварями.

– Ну, я тоже победить хотел, но у Демона и так хватает заклинаний, да и не хочется к гекатомбам прибегать, их, кстати, и нет в наборе. А желать этого, прости за каламбур – никакого желания.

– Ну и дурак, смотри какой у меня рейтинг, нет, ты посмотри, – он потащил товарища в кабинку. – Видишь, я уже почти на вершине мира, во!

– Да и черт с ней, с вершиной, – уперся Владимир. – Не хочу никого сжигать для победы. Я тебя и так сделаю.

– А не сделаешь, кишка тонка, – усмехнулся друг

– Ну все. Ты напросился. Деньги есть, еще на один сеанс же хватит? Да? Вот и поперли, я тебя размажу, и жертвы тебе не помогут. Айда?

Кабинки захлопнулись, отгородившись от всего внешнего матовыми стеклами. Внутри них в замысловатых креслах замерли изваяниями фигуры подростков, облаченные в сложные шлемы с голо-панелями перед глазами. Руки в сенсорных перчатках время от времени вяло подергивались. Игра

лишь начиналась.

Game Load

– Сир, наша программа приносит плоды. Ваше решение перейти на технические средства выявления достойных кандидатур гениально. Людишки и их дети валом идут на новый для их мира аттракцион, и, я думаю, волна увлечения схлынет не скоро. Так что, наши аналитики работают на полную загрузку. Сир, – почтительно согнулся в поклоне мелкий бес.

– Что там нового? – пророкотал глубокий голос. – Говоришь, результаты есть? Показывай.

– Вот, сир. Пришло буквально на минутах. Паренек едва-едва не одолел Светлого при помощи всего лишь базовых заклинаний, это невероятно. Аналитики сделали полный анализ, и, все как один, убеждены, что победа была очень близка.

– А почему не победил?

– Его товарищ, – хихикнул бес. – Он применил Жертвоприношение и Жатву Сил. Они не документированные, как вы помните.

– Так-так, – в голосе хозяина кабинета прорезался интерес. – Покажи-ка мне запись.

Бес сноровисто развернул в пространстве окно, в котором тут-же возникла картина недавнего боя, развернувшегося в несуществующем мирке. Заметил недовольную гримасу хозяина и уменьшил громкость.

– Вот, смотрите, – бес ткнул пальцем в окно, в котором как раз показывался момент Жатвы – плотная волна осязаемой даже в кабинете Силы хлынула от городка к Светоносному, и он превратился в нестерпимо жалящий свет, заливший все окно наблюдения. Потом свет схлынул, и на берегу стоял только победитель, следов врага даже и не наблюдалось, свет смыл все. В том числе и городок рядом. Мертвая выжженная земля, мертвое небо. Лишь море бездумно набегает на пустой берег.

– Замечательно, замечательно, – хмыкнул хозяин. – Что ты думаешь по этому поводу?

– Сир, я думаю, мы нашли кандидатуру для инкарнации Высшего демона. Вы ведь видели, парнишка невероятно изворотлив.

– Да, Высший – это неплохо. Но, это все, что ты почерпнул из увиденного?

– Да, сир, – в замешательстве пробормотал бес.

– Эх, бес, бес, не зря ты мелким наречен. Перед нами Жнец.

– Но, сир... он ведь, все-таки, не сумел его победить.

– Мелкий! – громыхнуло в кабинете, а в глазах хозяина мелькнули отблески огня с изнанки мира. – Ты меня вообще слушаешь? Перед нами Жнец, и он только что провел первую жатву.

– Сир, он же выбрал себе Светоносного, а мы таких не отслеживаем практически.

– Ну и дурни, – чертыхнулся сам себе хозяин. – Он же идеальная кандидатура, ему главное победа, а не всякие слюни. А то, что он выбрал для себя Светоносного, так это еще один штришок в его портрете, парнишка явно страдает гордыней и манией величия.

– Сир, глубина ваших мыслей поражает, – прогнулся в восторге обожания бес.

– Брысь отсюда. И передай, что нужно анализировать всех! А этих двоих под наблюдение и развивать по программе Жнеца и Высшего.

– Есть, сир.

Дверь тихо затворилась и в кабинете снова воцарилась тишина.

Хозяин сидел в кресле задумчивый и строгий, поглаживая рукой, не осознавая сам того, мягкую бархатную перчатку с сенсодатчиками, на которой пылал камнями вензель «D».

Игра началась.

Доминаторы

Тактический дисплей выдал отметку низколетящей цели, но идентифицировать объект отказался. Похоже, противник ставил помехи.

Джей выругался и запустил последнего летуна. Сорвавшись с корпуса, тот устремился навстречу загадке. На поверхности дисплея, подвинув соседние окна, тотчас развернулся миниэкран с данными, идущими с БПЛА. Вот и незнакомец – гладкая, с хищным силуэтом, крылатая ракета стелилась над самой землей, стремясь выйти из зоны обнаружения радаров, но визирам летунов это было по барабану.

– Орбита! – рявкнул Джей в переговорник. – Пятый квадрат, отметка пятнадцать, что за черт на меня прет? Какого беса вы там наверху делаете?

– Не рычи, пятый, все под контролем... но тебе лучше переместится, сейчас будет жарко.

– Черт, чтоб вас, – Джей прыгнул, не раздумывая.

Сервоприводы экза взвыли, выбрасывая его в прыжок, и мир кувыркнулся. Экран БПЛА вспыхнул зеленоватым сиянием, и тотчас его окно на дисплее свернулось. Лучевой удар с орбиты разметал ракету на атомы, задев краем излучения и беспилотник.

Приземлившись, Джей перевел экза в режим огневой точки, и переключился на бегуна. Тот притаился где-то дале-

ко впереди и осматривал территорию с вершины небольшого холма, перекачивая информацию Джею и наверх, к Орбитальщикам. Джей любил бегунов. Мощное стремительное существо, похожее на гиену, позволяло просачиваться в недоступные другим места, порой принимая невообразимые формы. Вольфрамовые клыки и когти, плюс импульсный излучатель в глотке – мощь твари поражала. В буквальном смысле. И ощущать ее было прекрасно.

Оглядевшись и просмотрев полученные данные, Джей отдал приказ бегуну возвращаться – на сегодня все закончилось. Вздыбленная на сотни метров вокруг земля вряд ли таила в себе что-то, что нуждалось в уничтожении. А тут и переговорник ожил, выплюнув короткое:

– Отбой, все на базу.

Джей пробежался по отметкам юнитов. Оба бегуна были в норме, одним он только что побывал. Экз не израсходовал и трети запасов энергии, а оставшиеся два летуна барражировали высоко над ним, прощупывая местность имеющимися сканерами. Что ж, сегодня в минусах только летун – неплохо, хотя можно было обойтись и без этого. Чертовы техи.

Получив приказ, летуны рухнули вниз, и изящно вышли из пике у экза, точно приземлившись на аппарели. Экраны летунов на дисплее тут же погасли – птицы отключились. Джей снова стал экзом и встряхнул руками, оживляя огромное тело. И пошагал к точке сбора, рядом уже неслись впри-

прыжку бегуны, стремясь к своим аппаратам. Прыжок, толчок – вот уже гаснут и их экраны. Все отлично.

Точка сбора, вот и она. Экзы не спешили – местность защищена на все сто, и поэтому никто не торопился – адреналин еще гулял, и покидать «поляну» было тяжело. Можно было и не озираться – на дисплее горели отметки всех товарищей, с параметрами состояния их экзов, но привычка визуально убеждаться впечаталась в сознание давно. Транспортник подлетел низко, словно чего-то опасаясь. Странные парни – чего им бояться, подбирая возвращающихся с задания Доминаторов,? Зайдя в транспортный блок, Джей отключился от экса, переведя его на автономный режим. И мир погас.

Дверь мягко ушла в стену, открыв длинный коридор, покрытый пеностеролом, съедающим все звуки. Правило Базы – полная тишина на территории Полигона, и нарушить ее означало лишиться доступа к заданиям. А возможно, и к тренировкам. Могли даже вывести из подразделения, переведя на периферию. Это означало изгнание из святой святых, лишение дома. Подобно наказанию древних греков, предаваемых остракизму.

Выйдя с Полигона, Джей обулся в легкие кроссовки, которые всегда кучей лежали у входа, и слегка расслабился – теперь он в реале. Жизнь кипела вокруг – обычная, шумная, суетливая. Все куда-то шли, думая о своем. Робы сновали между людей, убирали мусор, перевозили что-то.

Подозвав роба, Джей снял с подноса бокал тоника и с наслаждением выпил, мелкими глотками дразня рецепторы на нёбе. Вкуснотища! Но с чувством единения с экзом или юнитом не сравнится никакое вкусовое наслаждение.

Вот и нужная дверь.

– Ну, кто сегодня был Орбиталом? Какая сволочь спалила мне летуна? – Джей вошел в помещение текучим движением. Он знал, что техи боятся Доминаторов, считая их нелюдью с процессорами в голове. – Кто?! – словно хлыстом щелкнуло, и стало тихо.

– Вы, вы.. – голос теха дрожал от испуга – Вы из пятого квадрата сегодняшней операции?

– Да. Джей, третья Д-группа, ком-семь.

– Семерка? – теперь в голосе прорезалось и уважение. – Ничего себе. Пять – и то тяжело, а у вас семь юнитов... Господи, да как Вы...

– Неважно, как. – Джей оборвал лепет орбитальщика. Когда-то он чувствовал гордость, но это ушло, давно. – Я, кажется, задал вопрос – кто сегодня был Орбиталом?

– Я. Я и был. – Тех почти оправился от испуга и гордо выпрямился, глядя прямо в глаза Джею, хотя это было и очень непросто. Джей даже почувствовал к нему толику уважения, но тут же стряхнул симпатию.

– Ну и? Ты знаешь, сколько стоит летун? И, главное – сколько он стоит нервов? Моих, к примеру? А? Какого беса!

– Джей... Простите – сэр. Мы были вынуждены дать залп

мгновенно. Умник проанализировал данные и видеоизображение, и выдал команду на уничтожение без промедления. И бить приказал – по площади. Вы ведь знаете, что мы муху можем шлепнуть на лету.

– Почему?

– Умник установил, что это древние ракеты, с разделяющимися поражающими элементами. По сути – несущая матка с десятком-другим самонаводящихся ракет, чьи алгоритмы движения не поддаются расчету. Если бы она успела «родить» – вас бы накрыло, плотно. Вам повезло, сэр. Повезло, что ваши летуны ее засекли.

– Это не везение, парень. Это – моя задача. Но, коли так – извини. Черт побери, как ни жаль летуна – спасибо.

Джей рывком подошел к теху, и протянул ему руку. Ошарашенный технарь нерешительно ответил на рукопожатие, словно не веря, что Доминатор способен на нечто человеческое.

– Какое кодовое имя вы ей дали, на будущее? – спросил Джей, уже уходя.

– «Мамаша», сэр, – усмехнулся тех. – С кучей голодных деток на борту.

– Годится, – хохотнул Джей.

Выходя, он спиной чувствовал, как вместе с ним из помещения уходит и напряжение людей.

И, не пройдя и десяток метров, напоролся на Грача. Высокий, худощавый и голенастый полковник очень походил

на эту птицу. Всем, от худого носатого лица с бесстрастными колючими глазами до манеры ходить, словно по минному полю. Разговаривал он также – резко и отрывисто, вколачивая в собеседника каждое слово. И, похоже, что сейчас он избрал таковым именно Джея.

– Джейк, приветствую. Рад видеть. Сегодня у вас была неплохая заварушка, наслышан.

– Салют, полковник. Было нормально, как всегда, – Джей усмехнулся. – Высадились, да задали им жару. Правда, я без птички остался одной. Не повезло, напоролся на какую-то древность, не пойми, откуда выплывшую.

– Да, именно древность. Умник уже прислал докладную. Похоже, они достали последние запасы. Эти «Мамаши», – полковник язвительно хохотнул. – Были запрещены черт знает когда. Тогда и вас не было даже.

– Летуны были, я помню лекции.

– А, да. БПЛА были. Но, тебе ли объяснять, чем были старые планеры, и чем стали твои юниты.

– Да уж. – Джей усмехнулся, недоумевая, к чему этот экскурс в историю, которую Доминаторы знали с младых костей. – Сэр, я...

– Не понимаю к чему этот разговор, – продолжил за него Грач и ощерился. – Ага, типа сдурел полкан твой, и мемуары на ходу пишет. Не совсем так, – он посерьезнел. – Тебе задание, простенькое. Простенькое-простенькое. Справишься? – Полковник по-птичьему наклонил голову к плечу и уставился

Джею в глаза.

А Джей не знал что ответить. Он искал подвох в сказанном, но полковник, помимо своих птичьих повадок, славился и приверженностью к четкости и однозначности своего карканья. Что сказал – то и подразумевал.

«Черт» – выругался он про себя.

– Да, сэр. Любое задание. Ну, вы ведь знаете. – Изобразил Джей бравого солдата.

– Знаю. Поэтому, вот тебе задание – принять группу и устроить им полную – Полную! – экскурсию по Полигону с экскурсом в историю.

– Группу? – Джея обожгло пониманием. – Неужели...

– Да! Все, Джек. Давай, вперед – и с Богом. Удиви их.

Джей разглядывал стоящих перед ним пацанов, и – черт их побери! – девчонок, сбившихся в плотную стайку. Кольнуло болью воспоминаний. Лет тринадцати-пятнадцати, подтянутые, стройные, хорошо сложенные с рельефно-обозначенной мускулатурой под тонкими футболками – они были похожи на него. Того, каким он был очень давно. Короткая стрижка и армейского покроя штаны подчеркивали схожесть. Но, в их глазах пока не было той стали, что навеки вмерзла в его взгляд.

– Ну, что ж. Давайте знакомиться, ребятки, – Джей не знал, как начать и какой выбрать тон. Он забыл уже, что такое дети, и решил разговаривать, как с коллегами по отря-

ду. Похоже, это был правильный выбор. Салажата сразу подтянулись, обратившись во внимание.

– В-общем, так. Я Джек О’Рейли, подразделение Доминаторов, статус ком-семь. Что это такое – я расскажу в ходе нашей экскурсии. Вы, как я понимаю – потенциальные Д-бойцы. Иначе бы вы даже не узнали о нашем существовании.

Гости зашевелились оживленно. Скovanность оставалась, но они уже потихоньку расслаблялись. Джей продолжил:

– Сейчас мы наденем боевые шлемы. В них есть переговорник. Он позволит разговаривать там, где нельзя шуметь. Я не шучу. Скакать и затевать возню – избавь вас бог. Кто не понял – отправятся на промывку мозгов. Этого места – не существует, поэтому...

Пока раздавали шлемы, Джей показал всем режим коллективной связи. На входе все разулись, и группа вошла на территорию Полигона.

Коридор уходил куда-то в бесконечность. Слева и справа располагались двери в модули Д-связи. Прозрачные стены ничего не прятали. Барражирующие по коридору роботы уделяли модулям положенную дозу внимания, фиксируя и анализируя обстановку внутри.

А за стеклом, в модулях находились прозрачные шарообразные конструкции, заполненные жидкостью. Сверху шара находился вход, снаружи блестели нашлепки каких-то устройств, равномерно распределенных по поверхности.

– Вот, смотрите сюда. Перед вами модуль Доминатора. То,

что позволяет нам править на поле боя в любой обстановке. – Джей развернул всех к помещению Д-связи.

Ребятня приникла к стеклу, стараясь не шуметь. Джей знал, что все стекла трижды звуконепроницаемы, но он изучал гостей и их умение исполнять приказы. Пока все шло хорошо.

– Как вы знаете из истории – любая война зависит от преобладания в технологиях. Любых, от навыка чтения, до владения субъядерными энергиями. Всегда воевали люди, и техника. Причем, техника зависела от людей, железо без управления – ничто. И создавались монстры из брони, мощь которой предназначалась лишь для одного – защитить находившегося внутри бойца. В конце концов, технологии в мире выровнялись, придя к точке равновесия, когда у одних были сверх-технологии защиты, а у других – уничтожения этой самой защиты.

И все зависло. До момента создания сверх-компактных источников энергии нашими учеными. На той же технологии были созданы и супербатареи. И это стало началом.

Появление батарей и компакт-генераторов позволяло создавать новые устройства: легкие и мощные. Маневренные. Оборудованные энергетическим оружием типа рейлганов и излучателей. Оставалась одна проблема – техника все еще зависела от экипажа. Вернее – даже не так. Оставалась проблема подготовленного профессионала. Стоимость и временные затраты на подготовку одного профи были неимо-

верными во все времена, а его потеря – невозполнимой. Прошло время войн «стенка на стенку», где выигрывал тот, у кого больше рядового состава. Стало понятно, что живого человека нужно вывести из простого уравнения войны.

Развитие киберэлектроники давало надежду на то, что людей можно будет вывести из связки «боец-техника», отдав все искусственным интеллектам. Но, практика показала – киберсистемы не могли обеспечить в бою уровня человеческого реагирования. Роботы гибли как мухи, натываясь на изощреннейшее искусство людей – убивать. И, вновь помогли ученые, найдя способ обеспечить гигантский трафик в диапазонах излучения, не подверженных глушению обычными средствами. Это была Д-связь. Появилась возможность удаленного управления, и оно было создано. И вновь встала проблема: бойцы за терминалами управления – да, подобные геймерам – не могли обеспечивать уровень обратной связи, для них это оставалось игрой. Вот тогда и были созданы мы, Д-бойцы. Операторы Д-связи, соединенные с техникой на уровне синапсов.

Шары, что вы видите – это Д-сканеры, обеспечивающие связь Доминатора с экзом и юнитами.

Экз – это наш сленг. Экзоскелет, экземпляр, экзот... Погружаясь в шар, Д-боец оказывается в виртуальной реальности, повторяющей точь-в-точь местность боя. Не зря в начале века были созданы трехмерные модели поверхности Земли. Каждый ее уголок вошел в базу Умника – нашего голов-

ного суперкомпьютера. Сканированием Земли занималась одна, тогда еще не доминирующая, корпорация. Да, та самая, что нынче стала общим правительством. Ничего не делается зря, запомните эту мудрость, ребятаки. А теперь, знакомьтесь.

Дверь мягко отошла в сторону, и группа вошла в тренировочный зал.

– Это экз – боевой робот. Его экзоскелет аналогичен тому, в который облачается Доминатор. Они связаны напрямую. Боец воплощается в экза, управляя – и ощущая! – каждой жилкой. Любое движение бойца – это движение Экза. Любое воздействие на Экза – ощущается бойцом. Прямая связь, ты становишься экзом, абсолютно. Конечно же, их можно переключать в автономный режим, но только для некоторых задач. Поразить экза, даже в режиме «авто», весьма сложно, его броня – уникальный материал, работающий по принципу «жидкой брони», плюс геометрия касательных плоскостей. Боевое охранение, наблюдение, огневая точка – вот короткий перечень автономных его задач. А авторежим необходим для перехода в юнитов.

Джейк прервался. Пацанва восторженно облепила возвышающуюся над ними башней статую экза, стараясь дотронуться до всего подряд.

«Да уж, – подумал он. – Бойцы из них пока никакие. Но, может так и лучше». Вспоминать, как он стал Д-оператором,

было больно. Это было... совсем по-другому, да. Им не дали ни полюбоваться, ни полюбить, а просто надели экзоскелет и впихнули в виртуал, накачав расширителями сознания. И он стал тем, кем стал.

– Вот мы дошли и до юнитов. Юнит – это мобильное устройство. Его несет на себе экз. И выпускает на поле боя. Управляет ими Доминатор, по тому же принципу. Юнитов не так уж и много. Это летун – беспилотный летательный аппарат, позволяющий осуществлять воздушную разведку и еще ряд задач, доступных летательным аппаратам.

А вот бегун, – голос дрогнул. – Это робопес. Как и обычный пес, он просто незаменим временами. Любое задание, любое место. Он сделает все.

У меня семь юнитов на экзе. Обычно ограничиваются тремя-пятью. Но я из первых. Семь – три птицы, три пса и плавник.

Да, дельфин. Он выглядел примерно так, до того, как природа на материке умерла. Причин этого мы так и не узнали. Но ученые работают над этим.

А пока мы – единственная реальная сила на этом материке, и от нас зависит – сохранится ли вообще возможность жить там. От нас – значит и от вас тоже.

Джей обернулся. В глазах ребят светилось потрясение. И что-то еще...

Полная чаша

Мотор фырчал и гремел, старательно вращая огромные колеса. По стеклам джипа со скрежетом скользили ветки деревьев, растущих вдоль дороги.

Пассажиры с восторгом всматривались в мелькающие снаружи картины природы. Их изрядно растрясло по дороге, но они знали, куда и зачем едут. И ожидания, похоже, оправдывались.

– А долго еще ехать, Михаил-сан? – с надеждой в голосе спросил глава гостей у проводника, который являлся и ведущим проекта, куда было вложено немало средств, а еще больше – надежд.

Проводник усмехнулся, понимая, что сейчас происходит в душе этого раскосого азиата, никогда раньше не видевшего настоящего сибирского леса. Да, возможно, японец и видел иные леса, восхищаясь секвойями и баобабами, но тайга, что сейчас дышала вокруг – другой такой нет нигде.

– Нет, скоро уже прибудем. – Ответил Михаил, и улыбнулся, уловив в глазах гостя тень сожаления.

– Да вы не переживайте, этой радости, – сделал он широкий жест в сторону леса за окном, – Мы еще насмотримся. А сейчас, я прошу вас обратить внимание на южную сторону, это слева от нас. То, что вы видите, и есть наш проект.

Пассажиры рванулись к левому борту, но короткий гор-

танный окрик босса на корню пресек их движение, словно волнолом набегающую волну.

Машина подъезжала к прореженной небольшими полянками ложине, и на этих полянках возвышались округлые сооружения, похожие друг на друга, как оловянные солдатики. Но они не смотрелись искусственно, нет. Они выглядели, как часть этого мира – теплые, зеленые, кое-где даже покрытые пятнами мха. И выступали прямо из земли.

Джип не успел даже остановиться, как гости высыпали наружу и устремилась к этим шарам, пытаясь, все же, сохранить подобающее моменту достоинство.

Как малые дети, они прикасались к пухлым бокам, бегали вокруг и старались заглянуть под низ, чтобы разглядеть фундамент домов.

Да, на поляне стояли именно дома. И весь проект, на который азиаты сделали свою ставку, являлся проектом строительства. Единственное, что отличало этот проект от других – требование абсолютной экологичности.

Мир изменился за прошедшие после катастрофы десятилетия. Замерший в летаргическом сне Гольфстрим и растаявшие ледники сумели напугать человечество. Оно задумалось о своем доме, в котором им некогда выделили уголок для жилья – да, люди, наконец-то, задумались о планете.

И шаг за шагом двигались к правильному сосуществованию.

Компания «Ин-форрест» первой додумалась до темы аб-

солютно экологичного жилья. Правда, сама не смогла его создать. Но, найти исполнителей не составило труда, деньги решают все. Так случилось и на этот раз.

Проекты посыпались один за другим – азиатам оставалось лишь выбрать из плевел самое лучшее зерно. И они выбрали. А теперь оно проросло. Да еще как!

Квантуччи-сан гладил стену дома, чьи округлые стены уходили высоко вверх, к смыкающимся где-то там кронам деревьев. Под ладонью упруго вибрировало нечто, похожее и на плоть, и на шелковую ткань, и на пористую резину. И эта вибрация проникала глубоко внутрь, переключаясь с тем, что жило внутри человека. Так общаются живые существа, уж он-то знал это, отдав большую часть жизни постижению тайн Голубого Лотоса.

– Сэр. – Подошедший к нему Михаил не ломался в подобострастных поклонах, лишь свел пальцы рук в подобающем жесте. – Как вам?

– Михал-сан. – Квантуччи сотворил ответный жест, глубокого удовлетворения. – Это прекрасно. Я чувствую, как бьется в них жизнь. Но – не понимаю, что это за жизнь, слишком глубока и бездонна чаша, которую она наполняет. И я благодарен вам за это. Но, скажите – как вам удалось это? Что же это такое перед нами?

Михаил улыбнулся скромно, памятуя, как гости не любят излишней откровенности в проявлении чувств.

– Квантуччи-сан, давайте вначале я проведу вас по дому.

Ведь дом красен не только внешностью, но и внутренним наполнением. Не так ли?

– О, да. Я согласен, конечно.

Гости вошли в дом, и Михаил провел их по широким коридорам и комнатам. И ощущающееся снаружи чувство жизни, внутри усилилось еще больше. Теперь оно стало похожим на то обволакивающее тепло, что младенец ощущает в утробе матери. Казалось даже, что где-то звучит пульсирующий ритм сердцебиения.

Квантуччи-сан даже прислушался, пытаясь уловить звук. Но дом молчал. Жизнь переполняла его, но была очень далека. Что ж, познание жизни – и есть смысл существования. Гость довольно улыбнулся – ставка оказалась верной.

– Михаил-сан. Я доволен. Ваш проект – действительно воплощает наши концепции. Но, все-таки, скажите – как вы строите ваши дома?

Михаил не удержался, и улыбнулся уже широченной улыбкой. А потом развел руки и ответил:

– А мы их не строим. Мы их...

***

Всю дорогу назад и домой Квантуччи-сан глядел в окно и улыбался. Пару раз он даже тихо рассмеялся. В руках у него покоился небольшой туб с будущим его строительной империи.

Нет, положительно – такое могли придумать только русские с их сказками. Заставить грибы-дождевики расти по заданной программе, а потом замирать в вечном стазисе – нет, такое рациональный разум не мог породить.

Зернышко, выбранное из массы плевел, проросло. И еще как – в буквальном смысле!

Флюгер

Это случилось давным-давно. Он только-только пришел в этот мир и сиял, как умеет сиять только новая вещь. Краски его отблескивали яркими невесомыми вспышками, возвещая о приходе нового существа, пусть и неживого по общим человеческим понятиям. Всего лишь игрушка, услаждающая человеческий взор. Но что ему люди, он и не ведал о них.

Его установили за полночь, такая вот необычная причуда: именно ночью, в час, когда звезды настолько низки над землею, что полнят светом своим весь мир.

И он впитал в себя свет звезд, в тот миг, когда его установили на коньке крыши, на длинной металлической спице, посадив выше всех, ну или почти выше всех, ведь где-то далеко возвышались ратуша и другие дома. Но они стояли где-то далеко, а здешняя крыша вознеслась выше других. И он смотрел. Дальше и больше других.

Он видел. Он думал.

Думал, что видел. И радовался этому.

– Э-ге-геееей, – раздавалась над крышами домов каждый день-деньской... – Я лучше всех! Я вижу вас, и я говорю вам – летите. Летите, говорю я вам. Я – ваш повелитель, так летите же.

И они летели, все-все: мягкие пассаты и могучие север-

ные вихри, легкие дуновения знойного полдня, тайные вздохи полночного мира – устремлялись в сторону, которую он указывал серебряным жезлом.

А он смеялся. От переполнявшей его силы. От радости творения. Ведь он стал творцом – творцом Пути. В который отправлялись ветра после встречи с ним.

Он видел далеко, и мало кто избегал пытливого взгляда. Самый могучий и высокий в этом уголке мира, что состоял из черепицы и металла, а также из провалов, зияющих между ними.

А вдалеке к небу уходила огромная синяя полоса чего-то невероятного – зыбкого, но спокойного. Море манило взор, и он наблюдал за ним.

Да, он наблюдал за ним, потому что мечтал. Ведь мечта есть у каждого, чем же он хуже?

Маленькая мечта, для кого-то пустячок – увидеть восход. Тот краткий миг, когда над синей полосой появляется маленькая искорка изнанки мира. Появляется и растекается по тонкой линии горизонта, а затем разливается золотым сиянием. Заревом восходящего Солнца, предлагающего миру теплые объятия, так похожие на объятия матери, чего, увы, он был лишен. Ведь он был всего лишь вещью.

Каждую ночь он готовился и ждал. Ждал. Но, каждый раз от него требовалось участие в делах мира. Ведь он указывал путь ветрам.

И он со вздохом отворачивал взор от заветной полосы

между небом и водой и указывал им путь, путь в бесконечность. Он не завидовал ветрам, их беспечной свободе бесконечного полета, нет, ведь это он говорил им, куда лететь.

Каждое утро, день за днем, неделя за неделей... и уже начали меркнуть краски на теле, и глаза стали заплывать пылью. Но кое-что не менялось – он находился выше всех. И видел больше и дальше.

Он видел там своих дальних собратьев, что занимались тем же, что и он – крутили ветрами. От повелительных криков родичей стоял неумолчный гомон, а он смеялся – над их тщетными попытками возвеличивания. За его счет! Потому что знал – это он Повелитель Ветров. Он и никто больше. И они не умели мечтать, не имели великой маленькой Мечты. Мечты о восходе. О миге пробуждения жизни.

Он догадывался – они завидуют ему. Завидуют его высочайшему положению, в котором они всего лишь тени его величия.

И лишь старый Кот, приходящий греться на крышу оставался вне его власти. Он часто приходил, этот шурящийся от солнечного тепла комок шерсти, клыков и кривых когтей. Давным-давно забывший молодость. Родившийся в какой-то темной нише на краю сточной канавы. Но он помнил язык матери, дарящий тепло. Помнил её соски, дарующие еду. Помнил зубы, прихватывающие загривок сына в миг опасности. Помнил перестук ее когтей, когда она танцевала с тенями в лунном свете.

Кот помнил времена, когда таился в тених промеж домов, не рискуя выйти к Солнцу. Что ж, это было... но давно. А потом он стал Котом.

Кот стал Котом, и грелся там, где хотел, когда хотел, сколько хотел. Он любил приходить на эту высшую точку местного мироздания и нежиться в горячих лучах Солнца, не жалеющего сил на черепицу крыш, даруя ровное тепло, столь полезное кошачьим костям. А еще Кот любил молча глумиться над этим созданием, что мнило себя властелином ветров. Всем своим видом кошка выказывал невероятную глубину заблуждений гордеца с жезлом, не утруждая себя высказыванием сентенций на эту тему. А просто лежал рядом, и тихонько млея от сознания собственного превосходства.

И так, наверное, могло продолжаться до бесконечности

Но однажды все изменилось. День начинался как всегда – ветра разлетались под чутким руководством властителя Пути, не смея ослушаться приказов. И тут он увидел, вдалеке и – что самое главное! – намного ниже, старого собрата. Тот молчал и не кричал ветрам ничего, а застыл в незримо ошутимом порыве прерванного движения к точке восхода. Движения, которое бывает лишь при встрече, в тот самый миг, когда руки и вся сущность в целом, тянутся принять даруемое.

– Он увидел! – закричал он. – Он увидел восход, но как? Как он смог, этот презренный кусок грязи. Это моя мечта,

моя! Мо-я-я-я-я! Как он смог... как?

И тогда он совсем по-другому посмотрел на мир. И увидел еще несколько братьев, неподвижно устремленных в одну и ту же точку, не обращающих внимания на окружающее. И глаза их наполнял свет, не полуденный – нет. Свет восходящего светила навеки поселился там. Они презрели этот мир и ушли к свету. Исполнили свою мечту, ведь она у них одна на всех, как бы ни таили они друг от друга сокровенное.

И тогда он поклялся, что завтра исполнится и его мечта. И совершится обретение истинного отсверка во взоре.

Назавтра ему пришлось вознести клятвы безмолвному небу еще раз – когда горизонт уже должен был взорваться разгорающейся искрой небесного огня, его позвали дела, столько ветров неожиданно оказалось без Пути. Он не мог бросить подопечных. Ведь только он мог указать им, куда лететь.

А послезавтра все повторилось.

– Завтра! Завтра!! Завтраааа...

День за днем, неделя за неделей, клятва оставалась, как и мечта – неисполненной...

И он начал угасать. Нет – он все так же указывал ветрам путь, не пропуская ни одного, помня о предназначении.

Но куда-то потихоньку уходило веселье, жезл потихоньку угасал, а в глазах уже почти ничего не отражалось. В них поселилась пустота, и лишь где-то в глубине тлела искра... Искра неисполненного желания.

И Кот не выдержал.

– Глупец! – возопил он. – Глупе-е-ец, мррмяуу! Ты идиотская, возомнившая невесть что, железяка! Гордец, возмечтавший о несбыточном!

В пустых глазах вращающегося флюгера вдруг вспыхнуло что-то, давно уже не посещавшее их.

– Почему? Почему я глупец? – проскрипел он. – Почему несбыточно?

– Потому что ты игрушка! Игрушка!! Игрушка-а-а-а-а!!! Для ветров, для людей, для меня... ты игрушка для всех! И, прежде всего, для ветров – и они никогда не дадут исполниться твоему желанию! За твою гордость и высокомерие... за все!

– Но... но ведь меня таким сделали. Почему же они молчали тогда? Почему?!

– А им так нравится, – усмехнулся Кот. – Ты уж прости меня, старого, что я молчал. Надо было тебе давно сказать, коли ты такой непробиваемый.

– Да, я железный. – В ответе флюгера вдруг прорезался тот молодой повелитель ветров. – Я железный! Но и я хочу чего-то... столь малого, столь огромного...

– Мммрмрм-дааа... – промурлыкал Кот. – Ты силен, ты могуч. А они, там внизу – слабаки. Но они смогли. Задумайся над этим. – И Кот, потершись на прощание о спицу флюгера, отправился на прогулку по крышам. Ведь он мог ходить везде, где хотел и когда хотел.

– Постой... постой... объясни мне!!! – неслось ему вслед. – Над чем я должен подумать, в чем секрет?

Но над крышами уже разливалась темнота, и звезды высыпали на небо. Звезды, провозвестницы появления флюгера на этой крыше, свидетельницы его возвеличивания над этим мелким кусочком бытия.

Звезды помнили. И он тоже помнил их – первых, кого смог увидеть, будучи еще абсолютно беспомощным в руках человека, вбивающего спицу крепления в конек крыши. И в голове его вдруг родилось понимание: сила не всегда в величии, она может таиться и в беспомощности.

Флюгер понял, что должен сделать. Восход ждал его.

И он увидел. Тот самый миг. Мгновение рассвета, когда золотое сияние смешалось с ультрамарином безбрежного моря и мир вновь посетило Солнце. И сияние это поселилось и в его глазах, теперь уже навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.